

Советская модель всеобщего труда в 1918–1922 гг.

Одной из важнейших идей большевистской революции 1917 г. была идея обеспечения свободы труда. Под этим понималось, прежде всего, прекращение эксплуатации человека человеком и обязанность трудиться для всех членов общества. Труд был объявлен и правом, и обязанностью. Основные идеи политики партии большевиков были понятны и близки массам рабочих и крестьян. Близки потому, что они были выражены в очень понятной форме – «Кто не работает, – тот не ест!», «Не трудящийся да не ест!» и т.п. лозунги не требовали разъяснений.

Политику Советской власти в сфере организации труда в первые годы после революции можно представить как двуединую задачу: 1) обеспечить всех работой (борьба с безработицей) и 2) заставить работать всех. Борьба с безработицей была особенно активной в 1918 г., и к началу 1919 г. безработица в значительной мере рассосалась. Но не потому, что люди получили работу, а потому, что многие были мобилизованы в армию, а другие «переквалифицировались» из рабочих в крестьян, ремесленников и мешочников.

Традиционно считалось, что трудовая повинность была случайной мерой, вызванной условиями гражданской войны.¹ Однако нам представляется, что этот метод приобщения к труду родился из тогдашних представлений о социализме. Логика рассуждений лидеров Советского государства была такова: социализм – это труд всех на общую пользу, поэтому целенаправленное (исходя из необходимости) перераспределение трудовых ресурсов, трудовые мобилизации только способствуют победе социализма. Такого рода взгляды укладывались в общую концепцию военного коммунизма и были, в конечном счёте, следствием механического перенесения марксистских идей на российскую почву.

Как необходимая социалистическая мера трудовая повинность фигурирует ещё в апреле 1917 г. в резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП (б).² Документы партии большевиков и работы В.И. Ленина того периода показывают, что трудовая повинность – не изолированная или случайная мера, а необходимое звено в общей цепи мероприятий, необходимых для осуществления социализма. Это и утверждается на VII Всероссийской конференции партии. Первым шагом по пути всеобщей трудовой повинности стало "введение трудовой повинности для богатых".³

Обязательный труд, организованный на началах трудовой повинности В.И. Ленин считал важнейшим признаком социализма. То есть, по его мнению, при социализме труд обязательно должен основываться на принуждении при регулирующей роли государства. В апреле 1920 г., находясь под влиянием коммунистических субботников, он утверждает: "Субботники, трудовые армии, трудовая по-

* д. ист. н.

винность – вот практическое осуществление в разных формах социалистического и коммунистического труда".⁴ Яснее и не скажешь, никакого либерализма в сфере труда В.И. Ленин не допускает.

Трудовая повинность была наиболее всеобъемлющей и жёсткой формой милитаризации труда. Сама по себе милитаризация труда в условиях большой, длительной войны является неизбежной. К ней прибегли все активно воюющие страны и в годы первой мировой войны (1914–1918 гг.), и во второй мировой войне (1939–1945 гг.). Первой её ввела, пожалуй, Германия, затем Англия.⁵ Но трудовая повинность в Советской России сочетала в себе, как условия неизбежности, так и доктринальные установки правящей партии, т.е. идею всеобщности труда. Это последнее обстоятельство наложило свой отпечаток на характер и способы осуществления милитаризации труда. Если в других европейских странах милитаризацию труда рассматривали как временную, и не приемлемую в принципе, меру, то в Советской России большевистское руководство строило трудовые отношения по марксовым установкам и навсегда. В.И. Ленин видел главное отличие советской трудовой повинности от германской (капиталистической) в том, что там "трудовая повинность является ничем иным, как военно-каторжной тюрьмой для рабочих, новым средством закабаления трудящихся и эксплуатируемых масс, новой системой мер подавления всякого протеста со стороны этих масс. ... Для рабочих и беднейших крестьян России трудовая повинность должна означать, прежде всего, и больше всего, привлечение к несению своей общественной службы богатых и имущих классов. Трудовую повинность мы должны начать осуществлять с богатых".⁶

Для обеспечения всеобщности труда, для того, чтобы заставить всех уклоняющихся (Ленин называет их жуликами, клопами, вредными насекомыми) трудиться, он рекомендует самые решительные меры. "В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, полдюжины рабочих, отлынивающих от работы (так же хулигански, как отлынивают от работы многие наборщики в Питере, особенно в партийных типографиях). В другом – поставят их чистить сортиры. В третьем – снабдят их, по отбытии карцера, жёлтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за **вредными** людьми. В четвёртом – расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве. В пятом – придумают комбинации разных средств и путём, например, условного освобождения, добьются быстрого исправления исправимых элементов из богачей, буржуазных интеллигентов, жуликов и хулиганов".⁷ Заметим, что вождь мирового пролетариата не останавливается даже перед расстрелом, как меры приобщения к труду тунеядцев. Чуть раньше, в середине декабря в тезисах проекта декрета "О поведении в жизнь национализации банков и о необходимых в связи с этим мерах" он предлагал даже отправлять уклоняющихся от трудовой повинности на фронт или на принудительные работы.⁸ (Интересно, а что эти буржуи-тунеядцы должны были и могли делать на фронте?). Ленин считал и "нарушения трудовой дисциплины,

особенно при введении трудовой повинности", уголовным преступлением "и за это должна быть положена определённая кара". (1 апреля 1918 г.).⁹

Идея всеобщей трудовой повинности включается в новую программу партии, принятую на VIII съезде партии большевиков в 1919 г. Хотя предложение В.И. Ленина о введении "потребительских-рабочих" книжек, как о "первом шаге к всеобщей трудовой повинности", в Программу не включили. Это связано, скорее всего, с тем, что означенные "книжки" это всё-таки детали, механизм реализации идеи всеобщей трудовой повинности. А Программа писалась надолго и определяла только самые общие направления развития, в том числе и в сфере труда. "6. Необходимое в целях планомерного развития народного хозяйства максимальное использование всей имеющейся в государстве рабочей силы, – отмечает Программа РКП(б), – её правильное распределение и перераспределение как между различными территориальными областями, так и между различными отраслями народного хозяйства, должно составить ближайшую задачу хозяйственной политики Советской власти, которая может быть осуществлена только в тесном контакте с профессиональными союзами. **Поголовная мобилизация** всего трудоспособного населения Советской властью, при участии профессиональных союзов, для выполнения известных общественных работ, должна быть применяема несравненно шире, чем это делалось до сих пор".¹⁰

Важно также подчеркнуть, что **"поголовная мобилизация"** рассматривается, как неотъемлемая часть политики в сфере труда и вообще не связывается с военной обстановкой и вообще с какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Это краеугольный принцип и социальной, и экономической политики.

Особый характер всеобщей трудовой повинности для богатых продолжался недолго. После всеобщей национализации промышленности, проведенной по декрету от 28 июня 1918 г, "богатые", т.е. собственники средств производства, акций и вкладов в банках, исчезли. Физически исчезли не многие (некоторые убыли за границу, бежали в стан белых, были репрессированы и т. д.), исчезли их богатства. Большинство быстро поменяли свой социальный статус. Осуществился принцип революционной песни – "кто был никем, тот станет всем", а скорее наоборот – кто был всем, тот стал никем.

Уже с 1920 г. трудовая повинность является краеугольным камнем внутренней политики советского государства. Она по мысли В.И. Ленина, (начало 1920 г.) является одной из трёх важнейших задач на злобу дня – транспорт, продовольствие и трудовая повинность. Решив эти задачи, утверждал он в докладе о работе ВЦИК и Совнаркома, "... мы покажем, что мы сумеем перейти к задачам строительства на ряд лет, к задачам перевода всей России на высшую техническую базу, которая устраним рознь между городом и деревней и даст возможность полностью и решительно победить ту отсталость, ту раздробленность, распылённость, темноту деревенскую, которая является главной причиной всей косности, всей отсталости; всего угнетения до сих пор".¹¹ Мысль вождя понятна – всех заставить

работать и тогда можно достичь и "высшей технической базы" и всего остального, т. е. прогресса. Установка, на наш взгляд, сомнительная, ибо не может быть глобального (всеобщего) прогресса на основе несвободного, принудительного труда.

Несвобода в сфере труда для В.И. Ленина и его сторонников – это естественное и неизбежное состояние нового общественного устройства. Неприемлемый либерализм (свободу) в сфере труда он решительно осуждает. В выступлении на заседании Московского Совета 6 марта 1920 г. он требует: "Мы должны мобилизовать всех способных трудиться и заставить их работать вместе с нами. Мы должны, во что бы то ни стало стереть с лица земли следы политики меньшевиков и эсеров, которая говорит о **свободе личной** и т. д., потому что эта политика обрекает нас на голод".¹² Напрасно вождь критикует политику меньшевиков и эсеров в сфере труда, она не имела практического применения, ибо они не стояли у власти. Это просто теория, и трудно сказать, как бы повели себя лидеры этих партий, если бы они находились у власти в разрушенной стране.

Необходимость обязательного принуждения в сфере труда В.И. Ленин объясняет революционной целесообразностью. Выступая на IX съезде партии 29 марта 1920 г., он указывал: "... мы трудовую повинность и принуждение осуществляем нисколько не боясь принуждения, ибо нигде революция не производилась без принуждения и пролетариат имеет право осуществлять принуждение, чтобы, во что бы то ни стало удержать своё"¹³. Да, действительно, в период революции, т.е. ломки всех и всяческих отношений, без принуждения нельзя, ибо революция сама и есть принуждение. Но принуждение не может быть символом, смыслом политики в сфере труда. Принуждение может осуществляться лишь в экстраординарной обстановке войны или революции, т. е. очень короткий период.

Мы анализируем оценку истоков политики трудовой повинности данную В.И. Лениным и другими первыми лицами советского государства. Но на позиции неизбежности значительных ограничений свободы труда стояли практически все руководители – и хозяйственные, и административные, и политические. Например, руководство Наркомата труда – главного действующего лица в проведении этой политики, считало неизбежным "широкое применение принудительных методов". Объясняя причины проведения политики трудовых мобилизаций, НКТ указывал: "... аграрная реформа, продовольственный и производственный кризис вызвали отлив рабочей силы из промышленных центров, а также повлияли на прекращение её притока, Материальные предпосылки существования в городах были разрушены, этим самым была пробита брешь между городом и деревней, куда ушли рабочие.

Необходимостью продолжения гражданской войны в 1920 г. эти условия ещё больше усугубились. Однако эта же гражданская война требовала от нас снабжения фронта всем необходимым, а, следовательно, всё большего напряжения работы отдельных отраслей промышленности, работающих на войну, и снабжение их необходимой живой рабочей силой. ... Однако, наша промышленность с её низким механическим оборудованием, отсталая техника и, наконец, понижение

производительности рабочего, объясняющееся многими причинами, в том числе и недоеданием – все эти условия заставили нас в 1920 г. поставить вопрос о передаче хозорганам больших масс рабочей силы по принципу: взять количеством то, что не удаётся брать качеством".¹⁴

На наш взгляд причины, вызывающие необходимость ограничений в сфере труда, указаны совершенно правильно. Действительно надо было собирать рабочих, рассеянных по деревням, действительно война диктовала свои условия, действительно без известных ограничений в сфере труда невозможно было наладить производство. Но верно также и то, что эти ограничения, принимавшие форму полурабского, несвободного труда, окончательно убивали экономику; верно и то, что принудительный труд мобилизованных и под страхом наказания работающих никогда не будет производительным. Он по своей природе плох. Искусство в нахождении наилучшей системы организации труда в этих тяжелейших условиях как раз и состояло в том, чтобы найти наиболее эффективные формы организации труда, где были бы элементы принуждения, но и определённый экономический и социальный интерес. Конечно, большую роль тут должна была сыграть пропаганда, на ней в какой-то мере и держались все эти мобилизации и вообще трудовая повинность. Но убедить всех людей, что они должны много и упорно работать за тощий, голодный паёк в принципе невозможно. Так что многие неуспехи в деле насильственного привлечения людей к труду лежали не в сфере организации, а в сфере неизбежных явлений – голода, традиционного сознания, недоверия к власти, которая не может их накормить и одеть, отсутствия видимых перспектив и т. д.

Широкое введение всеобщей трудовой повинности таило в себе ещё одну опасность и для руководства страны, и для её экономики. Дело в том, что складывалась привычка все большие и малые проблемы решать с помощью принудительных мобилизаций, т. е. силой заставляя делать то или иное дело. Так считал и В.И. Ленин, составляя в ноябре 1920 г. план проведения производственной пропаганды. Он требует: "Трудовинность всех могущих знакомить население с электрификацией, с тейлоризацией и т.д."¹⁵ На первый взгляд это было эффективно, т.е. давало возможность кое-как собрать нужных людей, в нужном месте и в нужное время. Но собранные таким образом люди изначально плохие работники и дело здесь не в квалификации, а в отношении к труду. Никто и никогда не будет хорошо работать только "за идею". Принудительный труд, как показал опыт истории, не целесообразен. Но в рассматриваемое нами время так думали не многие. Наоборот, все считали высшей справедливостью обязанность всех трудиться, причём именно там, где укажет государство. Но указывало не некое абстрактное государство, а конкретные люди, которые далеко не всегда были способны эффективно управлять и решать экономические и социальные проблемы.

Уже с 1920 г. хозяйственные руководители практически переставали заботиться о рабочей силе и, если надо было решать какие-то проблемы, то просто делали заявки на рабочую силу, вовсе не заботясь о том, где они будут жить, что они будут есть и как вообще существовать. Это немного смахивало на рабство

или на крепостное право. НКТ летом 1921 г. вынужден был констатировать: "Требование на рабочую силу подаётся хозяйственными организациями большей частью "на авось" без учёта топливных и других ресурсов, которые, конечно, меняют форму потребности в рабочей силе. Но самое существенное – это учёт жилых и продовольственных условий, которые, конечно, играют самую важную роль в возможности передачи рабочей силы хозорганам".¹⁶ Вот как раз этого "учёта" и не делали хозяйственные органы. А зачем? Ведь рабочую силу им доставят, пайки для них выделят, труддезертиров вернут, да ещё и накажут. Поэтому поведение хозяйственников, которое мягко осуждает Наркомтруд, вполне логично в этой системе использования труда. То есть, в указанном негативном явлении хозяйственники были виноваты меньше всего, всё дело было в системе принудительного труда.

Идея использования принудительного труда на основе трудовой повинности настолько прочно вошла "в плоть и кровь" советских руководителей, что, даже начиная осуществлять новую экономическую политику, они вовсе не собирались менять характер трудовых отношений. В.И. Ленин в "Наказе от СТО местным советским учреждениям" (21 мая 1921 г.), где давались рекомендации, как работать в новых условиях, вводит специальный раздел "Трудповинность и трудмобилизации".¹⁷ В нём речь идёт о контроле центральных властей за труд мобилизациями на местах, но вовсе не об их отмене. Трудмобилизации и трудовая повинность по-прежнему остаются важнейшими способами мобилизации трудящихся и решения хозяйственных задач. Это обстоятельство, кстати, ещё раз говорит о том, что В.И. Ленин и его "команда" **в начале** вовсе не собирались вводить "всерьёз и надолго" никакую рыночную экономику. Ибо рыночная (свободная) экономика не может жить на принудительном труде.

* * *

Всеобщая трудовая повинность была официально провозглашена в январе 1918 г. в «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Но закон (Постановление) о введении трудовой повинности был принят ВЦИК 22 апреля 1918 г. В этом документе говорилось: "Рабочее и крестьянское правительство Республики ставит своей непосредственной задачей привлечение всех граждан ко всеобщей трудовой и воинской повинности".¹⁸ Необходимость введения трудовой повинности подтвердила Конституция РСФСР, принятая V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 г., в состав которой вошла вышеназванная Декларация. Специальным пунктом она провозгласила, что труд является обязанностью всех граждан республики: "Не трудящийся да не ест!"¹⁹ Выполняя это конституционное установление, Совнарком 5 декабря 1918 г. принимает декрет о трудовых книжках для нетрудящихся, которых должны были использовать на работах, не требующих квалификации.²⁰ Только поступив на работу и получив трудовую книжку, представители бывших эксплуататорских классов могли пользоваться правом передвижения в пределах Республики и получать продовольственные пайки.

Фактически этим устанавливалась трудовая повинность для нетрудящихся. Лица, уклоняющиеся от труда, наказывались вплоть до заключения в концентрационный лагерь и даже расстрела. В обращении "Социалистическое отечество в опасности!", принятое 21 февраля 1918 г. (по н. ст.), требовалось создавать рабочие батальоны для рытья окопов и вообще для строительства оборонительных сооружений. Особым пунктом, причём выделенным, обращение требовало: "6) В эти батальоны должны быть включены все работоспособные члены буржуазного класса, мужчины и женщины под надзором красноармейцев; сопротивляющихся расстреливать".²¹ Автору неизвестны эпизоды с расстрелом в это время уклоняющихся от труда. Но само намерение говорит о решительности власти, ведь это предложение В.И. Ленина никто не оспорил.

Расстрелов за "манкирование" работой не зафиксировано, но зато концлагеря для "бывших" были организованы в разных частях страны, хотя их было мало и существовали они короткий срок. Такой лагерь, в частности, был создан в конце 1918 г. в Петрограде у Морской пристани. Летом 1919 г. в нём находилось около 200 человек. Очевидец так описывает этот вероятно первый трудовой концлагерь: "Обитатели лагеря – буржуа, уклоняющиеся от трудовой повинности и подозрительные элементы из прифронтовой полосы. Все обитатели лагеря привлечены к работам и получают рабочие пайки. Лагерь состоит из нескольких деревянных бараков. Постоянного караула в лагере не имеется, но каждый вечер проходит обязательная проверка". Условия жизни в нём были достаточно либеральными, но на работу выводили всех и, не спрашивая желания, В целом в Петрограде за 8 месяцев 1919 г. было зарегистрировано 9000 "нетрудового элемента", на работы было мобилизовано 3862 человека.²²

Первым реальным шагом в осуществлении трудовой повинности был декрет СНК от 20 июля 1918 г. "О тыловом ополчении", по которому должен быть введён строгий учёт всего трудоспособного населения, не подлежащего призыву в Красную армию: "... впредь до проведения всеобщей трудовой повинности и для облегчения призыва в тыловое ополчение".²³

Реализовывая дальше принципы всеобщности труда, 10 декабря 1918 г. принимается Кодекс законов о труде, декретировавший введение трудовой повинности для всех граждан РСФСР. Трудовая повинность распространялась на всех граждан в возрасте от 16 до 50 лет (за исключением инвалидов). Лица, подлежащие трудовой повинности и не занятые общественно-полезным трудом, могли принудительно привлекаться местными Советами к выполнению общественных работ. Провозглашая обязанность граждан трудиться, Кодекс в то же время подчёркивает и их право на труд. Трудящийся, не имевший работы по специальности или получавший за работу вознаграждение, меньшее установленного соответствующим тарифом, мог регистрироваться в местном Отделе распределения рабочей силы в качестве безработного.²⁴

Но принципы и законы не всегда выполняются. В связи с тем, что экономическое положение страны ухудшилось, а гражданская война всё более усиливает-

ся, происходит постепенный отход от объявленных принципов. Убеждение и воспитание отходит на второй план и резко усиливается принуждение и централизация в распределении рабочей силы, Постепенно происходит милитаризация труда. К ней скатились, прежде всего, потому, что экономическими методами было уже невозможно удержать рабочих на предприятиях. Роль денежной оплаты быстро падает, ибо деньги обесцениваются. По данным С.Г. Струмилина, в 1920 г. заработная плата могла реально прокормить человека всего три дня (если бы он покупал продукты на рынке, а другой возможности и не было).²⁵ Резко увеличивается роль продпайка в снабжении рабочих, который, однако, выдавался крайне нерегулярно и часто был "худой". Значительно ухудшились условия труда. Рабочие буквально бегут с предприятий и, чтобы их удержать государство склоняется к методам милитаризации труда.

Процесс милитаризации начался еще в 1918 г., когда в военнотрудовых превращали рабочих военных заводов.²⁶ Но постепенно **милитаризация труда** распространяется и на невоенные отрасли. Так, постановлением Совета Обороны от 15 марта 1919 г. весь состав рабочих и служащих речного и морского флота и занятых по ремонту судов и вывозке топлива для фронта был зачислен в состав военнотрудовых. Точно также были объявлены мобилизованными все рабочие Подмосковского угольного бассейна. А 27 июня 1919 г. мобилизовали всех рабочих и служащих, связанных с заготовкой топлива. Они не могли самовольно оставлять работу, и обязаны были выполнить среднюю урочную норму выработки.²⁷ Вторично работники топливной отрасли были милитаризованы 23 января 1920 г. (см. ниже). Последняя мера была предпринята для обеспечения более или менее нормальной производительности труда мобилизованных. Вообще топливную проблему решали главным образом путём трудовых мобилизаций, авральным способом. В частности, определяя пути решения топливного кризиса ЦК РКП (б) в своём циркулярном письме к партийным организациям (письмо написано В.И. Лениным) от 13 ноября 1919 г. требует: "5. Трудовая повинность всего населения или мобилизация известных возрастов для работ по добыче и подвозу угля и сланца, для рубки и возки дров к станциям железных дорог должна быть осуществляема с наибольшей быстротой и самым неукоснительным образом. Устанавливать трудовые нормы и во что бы то ни стало добиваться их выполнения. Карать с беспощадной суровостью тех, кто ... оказывается уклоняющимся от работ".²⁸

Милитаризации подвергались те отрасли производства и предприятия, которые в данный конкретный момент представлялись наиболее важными, и где нужно было зафиксировать рабочую силу. Оставление этих милитаризованных предприятий рассматривалось как дезертирство и преследовалось в уголовном порядке. Примерами того являются: Постановление СТО от 23 января 1920 г. "Об объявлении состоящими на военной службе рабочих и служащих в Главном лесном, Главном торфяном, Главном угольном, Главным торфяном и Главном топливном комитетах, в Главном комитете горючих сланцев, Центральном управлении топлива и лесозаготовок и в учреждениях и организациях им подведомствен-

ных"; объявление 28 февраля 1920 г. милитаризованными "бумажных и картонных фабрик, целлюлозных и древо-массных заводов, типографий и предприятий полиграфического производства".²⁹ 23 апреля того же года по Постановлению СТО милитаризируются угольные шахты Донбасса, а 30 апреля – Петроградский трамвай.³⁰ Очевидно, что топливный кризис породил Постановление о милитаризации фактически всех топливных предприятий страны. Причём решения о милитаризации труда принимаются как по целым отраслям или даже группе отраслей (как с топливными отраслями), так и по отдельным предприятиям. Например, в мае 1920 г., когда было больше всего решений правительства о милитаризации труда, были милитаризованы рабочие "Туластроя" (7 мая), государственные электрические станции (12 мая), строители завода "Звезда" в Саратове (26 мая), предприятия "Главмеха" (4 июня) и даже рабочие типографии "III Интернационал" в Москве (8 мая), которая была передана в ведение РВСР.³¹

Для обеспечения мобилизации рабочих создаются специальные органы. Прежние Биржи труда, являющиеся органами регистрации безработных и трудового посредничества, не могли справиться с новыми задачами. Декретом Совнаркома от 29 октября 1918 г. их заменили специальные Отделы распределения рабочей силой, являющиеся местными органами Народного комиссариата труда (НКТ). 3 мая 1919 г. произошло очередное преобразование, – вышеназванные отделы были преобразованы в Подотделы распределения и учета рабочей силы при местных отделах труда исполкомов Советов.³² Наконец, в октябре 1920 г. эти органы были реорганизованы в Управления по учету и распределению рабочей силы.³³ Столь частые смены формы были следствием меняющегося, и плохо решающую основную задачу, содержания. Наряду с этими декретами, определяющими место и форму организации органов управления, были приняты десятки декретов по мобилизации отдельных категорий специалистов и рабочих. (О некоторых таких декретах речь уже шла выше).

В центре внимания органов учета и распределения рабочей силы были военные заводы. Для их обеспечения нужными кадрами при Наркомтруде создается специальная Комиссия по снабжению военной промышленности рабочей силой. Мобилизовывались рабочие с закрывающихся предприятий, а наиболее квалифицированные отзывались даже из армии. В частности, в начале 1919 г. была проведена мобилизация 5 тысяч рабочих (в основном металлостов) на Ижевский оружейный завод для расширения там производства. Собственно, принудительная мобилизация началась после того, как не удалось привлечь методами агитации рабочих на этот завод. Инструкторы НКТ собирали рабочих в Брянске, Коломне, Петрограде, Москве. В частности, в Москве удалось уговорить за полтора месяца всего 22 человека. Принятие же принудительных мер дало возможность направить на завод 2248 человек.³⁴

Проведение трудовых мобилизаций и вообще обеспечение всеобщей трудовой повинности было возложено на Наркомат труда (НКТ) и Главный Комитет по проведению трудовой повинности (ГКТ).³⁵ К проведению труд мобилизаций при-

влекались также воинские части (проведение облав, этапирование трудармейцев и т. п.), милиция, местные Советы и профсоюзы. Но количество вовлечённых в обеспечение всеобщей трудовой повинности органов вовсе не обеспечивало выполнение поставленных задач. "У семи нянек дитя без глаза" – гласит народная мудрость, и это в полной мере относится к организации и результатам проведения трудовой повинности.

В целом можно констатировать, что в первые 2 года в проведении трудовой повинности и, в частности, отдельных трудовых мобилизаций, системы не было, Установить хоть какой-то порядок в этом деле должно было Постановление СТО от 19 марта 1920 г. "О порядке проведения мобилизаций и повинностей".³⁶ Однако отступления от правил заложенных в этом документе продолжались и после, хотя, возможно, они и не носили массового характера.

Уже в 1920 г. основная масса рабочей силы перераспределяется насильственно, путем трудовых мобилизаций. **Трудовые мобилизации** приобрели всеобъемлющий характер. Острый топливный кризис, развал транспорта и ... мирная передышка заставляли правительство решать проблемы труда в принудительных мобилизациях. Был ли это единственный путь? Вряд ли, оставались нормальные экономические методы привлечения к труду в тех или иных отраслях, на тех или иных предприятиях. Возможность использования методов, стимулирующих труд, были очень ограничены, но все-таки не исчерпаны. Но сам метод руководства страной (военно-революционный) диктовал и соответствующие методы привлечения к труду.

Существовало несколько типов профессионально-трудовых мобилизаций. Мы охарактеризуем их содержание, основываясь на классификации Наркомтруда, который все эти мобилизации и проводил совместно с ГКТ. Первый тип трудовых мобилизаций – это принудительное изъятие отдельных специалистов и направление их на работу по специальности. Наркомтруд называет это "принудительным государственным перераспределением рабочей силы". В качестве примера он называет мобилизации "в отношении нефтяников, шерстяников [рабочников шерстяной промышленности], кожевников, электротехников, некоторых специальностей металлургов, статистиков, авиа работников, рыбаков-специалистов и ряда других". Мы видим в этом списке и технических специалистов, коих вообще немного (авиароботники, статистики, электротехники) и рабочих массовых профессий – металлурги, кожевники, рыбаки. Однако НКТ удрученно сообщает: "Все эти мобилизации давали небольшое количество людей". Правда, его утешало то, что "благодаря им [мобилизациям] получалось, однако, поставить людей по специальности". Самая известная, самая крупная и самая результативная мобилизация в этом разряде это мобилизация железнодорожников. На железнодорожный транспорт было возвращено 35 тыс. железнодорожников. Причём для удовлетворения железнодорожного транспорта было проведено несколько мобилизаций, как валовых (всеобщих) так и конкретных специалистов. Например, 27 февраля СТО объявил о мобилизации "всех техников путей сообщения и инженеров различных

наименований, ранее служивших на железных дорогах".³⁷ 7 апреля 1920 г. СТО принимает решение провести "мобилизацию специалистов по сельскому хозяйству", а 27 апреля – "специалистов по водному транспорту" и т. д.³⁸

Второй тип – это "трудовые мобилизации, уже не носящие характера перераспределения, а преследующие исключительно цели извлечения широких слоев средних квалифицированных рабочих из деревень, где они засели вследствие голода". Этого типа мобилизации были самыми многочисленными. Например, мобилизация в 1920 г. строительных рабочих дала 20 тыс. чел., горнорабочих (она проводилась с перерывами) – 18 тыс., рабочих по судостроению (конец 1920 – начало 1921 г.) – до 10 тыс. человек.³⁹

Третий тип мобилизаций – "это сплошные погубернские мобилизации и квалифицированных рабочих. Но такие мобилизации могут быть проведены только в случае наличия учёта трудоспособного населения. А эта последняя задача не разрешена ещё практически" – отмечает НКТ. Более или менее успешная мобилизация такого рода была всего одна – в 1920 г., она проведена в Тверской губернии. На "общегосударственные нужды" она дала до 20 тыс. рабочих. Попытки провести такие мобилизации, основываясь на городской переписи 1920 г., были предприняты в Петроградской и Ярославской губерниях. Но они особого успеха не имели. К подобного типа мобилизациям относится и "мобилизация на рыбные промыслы населения в Астраханской и Царицынской губерниях", объявленная 12 марта 1920 г.⁴⁰

Все указанные 3 типа мобилизаций относятся в основном к квалифицированным рабочим и специалистам. Но было значительное число массовых **мобилизаций "валовой рабочей силы"** (по определению НКТ). Этими массовыми мобилизациями затыкались большие дыры в целых отраслях производства. В частности; мобилизация рабочих на рыбные промыслы дала к середине 1921 г. около 30 тыс. чел. из 52 тыс. необходимых; мобилизация для сплава леса дала до 105 тыс. (!); мобилизация "торфяников" в 1920 г. дала около 65 чел., но надо было мобилизовать до 82 тыс. и её продлили на 1921 г. Последнюю мобилизацию Наркомтруд считал успешной потому, что он нашёл специфический метод для набора рабочей силы на торфоразработки. Была осуществлена "предварительная регистрация определённых групп торфяников", накануне сезона торфоразработок были созданы постоянные бригады. То есть люди задолго до отъезда знали, куда и зачем их посылают и какие там условия работы. Помогло и несколько улучшившееся снабжение продуктами питания.⁴¹

Массовые мобилизации чаще всего объявляли центральные органы управления – СНК и СТО. В частности, для обеспечения шахт рабочими в апреле 1920 г. СТО объявил мобилизацию всех лиц в возрасте от 18 до 50 лет, работающих на горных промыслах в качестве забойщиков, крепильщиков, откатчиков, машинистов, горных слесарей и пр. Ввиду необходимости дать в срочном порядке водному транспорту достаточное число специалистов СТО 27 апреля 1920 г. объявил мобилизацию граждан в возрасте до 55 лет, когда-либо служивших на водном

транспорте. Для своей промышленности Петроград получил за 10 месяцев 1920 г. более 15 тысяч мобилизованных рабочих. Из первой Трудовой Армии базирующейся на Урале было откомандировано на заводы (главным образом уральские) 9357 квалифицированных рабочих.⁴²

Осенью 1920 г. был предпринят опыт **трудоустройной мобилизации** по военному принципу, а именно по возрастам. 13 сентября 1920 г. СНК объявил мобилизованными людей 3-х возрастов – 1886, 1887 и 1888 годов рождения. 15 октября были конкретно названы все 37 губерний, где должна проводится эта мобилизация.⁴³ Чтобы избежать ненужных перебросок, накануне этой мобилизации на места была "дана развёрстка" с указанием каким предприятиям данного региона, прежде всего, выделит рабочую силу. Естественно, что среди мобилизованных по возрастам квалифицированных рабочих было мало. Интересно то, что эта мобилизация (в отличие от большинства других) была выполнена почти полностью – было мобилизовано 93% необходимого числа или 131 030 чел., а требовалось мобилизовать 146 621 чел. В конце 1920 – начале 1921 г. эти мобилизованные были переданы в распоряжение местных "Комтрудов". Первыми потребителями этой мобилизованной рабочей силы стали промышленные предприятия (ВСНХ), в том числе отправлено: Промвоенсовету (военная промышленность) – 9872 чел., Комгосору (Комитету государственных сооружений – строители) – 2692 чел., транспортным заводам – 1872, Главлескому – 21863 чел. На железнодорожный транспорт (самое "узкое" место) было послано 24500 чел, Наркомпропу – 7045 чел. и для работы на "местные нужды" – 46678 чел.⁴⁴

Идя дальше по пути копирования военных мобилизаций, ГКТ и его местные органы стали устраивать с конца 1920 г. так называемые **"поверочные сборы"**. Главная задача этого мероприятия "заключалась в проверке профессиональных навыков лиц, подлежащих передаче для трудцелей, по своевременному распределению поступающих для использования". То есть, это своеобразный трудовой запас, который в любое время (когда поступит приказ) можно быстро собрать и отправить "куда надо". Наркомтруд с удовлетворением констатирует, что "поверочный сбор ... оказал большую пользу по удовлетворению потребности в массовой рабочей силе хозорганов. Всего было передано Комтрудом 90 583 чел. из коих 42 927 переданы в распоряжение важнейших отраслей промышленности и транспорта, остальные оставлены для местных нужд". Поверочный сбор это тоже мобилизация, только не сиюминутная, а растянутая во времени.⁴⁵

Своеобразной мобилизацией на основе демобилизации были так называемые **"откомандирования из Красной Армии"**, проводившиеся в 1919 – 1920 гг. "Откомандирование" было вызвано острой нехваткой многих специалистов, поэтому периодически по конкретным заявкам военное ведомство отправляет тех или иных специалистов в принудительном порядке на работу по специальности и не обязательно туда, откуда они были мобилизованы в армию. Распределением этих демобилизованных специалистов занимался НКТ. В 1919–1920 гг. Наркомтруд распределил около 5 тыс. квалифицированных рабочих-металлистов на во-

енные заводы. В 1920 г. СНК дал НКТ задание изъять из армии ещё 10 тыс. "рабочих металлистов для Совета военной промышленности". На май 1921 г. было "изъято" около 5 тыс. человек. Кроме того, по специальным постановлениям СТО из армии было откомандировано 193 электрика, 3066 горнорабочих, 461 специалист по судостроению. Таким образом, всего из армии принудительно было "перераспределено" не менее 13 700 квалифицированных рабочих.⁴⁶

Новым явлением в системе трудовых мобилизаций было так называемое "**добровольное привлечение рабочей силы**". Строго говоря, это "привлечение" было не совсем добровольным, но руководство НКТ назвало это явление "переходной ступенью между вольным наймом и принудительным привлечением". Добровольным назвали привлечение уже упомянутых "торфяников", которых не только заставляли силой, но и старались привлечь пайками. Добровольцы действительно были, но только на "хлебные" работы. Например, НКТ почти полностью и **на добровольной основе** выполнил наряд Центра на сельскохозяйственные работы. Была заявка на 19 775 чел., а выполнено 17 836 чел. Полностью укомплектовали и так называемые "обмолоточные отряды" для Сибири – наряд на 20 000, послано 19 768 чел. Поведение тех, кто добровольно "мобилизовывался" объяснимо: они рассчитывают в хлебородном регионе и сами подкормиться, и домой что-то привести на законной основе. Тем более что и туда и обратно их отправляют без проблем за государственный счёт. Это вариант облегчённого или малого мешочничества. Уж чем быть мобилизованным на шахты или лесоповал, так лучше на уборку хлеба на свежем воздухе – вот логика рассуждений некоторых "добровольцев", вот объяснение успеха в проведении "добровольного привлечения". Но это же и пример того, как и чем надо привлекать людей, тогда не надо будет загонять их на то или иное производство силой.

Трудовой повинности и трудмобилизаций не избежали практически все категории населения, даже разрозненные кустари. Постановление Главкомтруда от 16 января 1921 г. обязывало кустарей и их объединения выполнять "строго определённую норму выработки, размеры которой устанавливаются Центром". Ну а те, кто нормы не выполняет или вообще работает сам по себе, "привлекаются к трудовой повинности на общих основаниях с другими гражданами".⁴⁷ В данном случае угроза трудмобилизации и отправка в другие края служили своеобразным стимулом для вступления в договорные (хотя совсем не выгодные) отношения с государством. В результате большинство кустарей предпочитали делать то, что им велело государство. Причём, в роли верховного заказчика выступает "Центр". Чувствуется, что этот "Центр" не очень доверяет местам в деле использования труда кустарей на нужды страны.

Мобилизовывались не только рабочие, но также и специалисты высокой квалификации, имеющие высшее или профессиональное образование. Не хватает на предприятиях специалистов по технике безопасности – 27 декабря 1920 г. объявляется мобилизация этих специалистов. "Все граждане вышеуказанных категорий, под страхом личной ответственности, – отмечает Постановление, – в недель-

ный по опубликованию сего срок, должны дать о себе в 2-х экземплярах сведения в ближайшее Управление Учёта и Распределения Раб. Силы...". Но если в указанный срок они эти сведения не давали, тогда мобилизовывали силой, а укрывающихся наказывали. Аналогичным образом учитывались и мобилизовывались специалисты, "обслуживающие горную промышленность". Для проведения городской и промышленной переписи 1920 г. специалистов статистиков также собирали путём мобилизации, которая была объявлена Постановлением СТО от 25 июня 1920 г. Все постановления о трудовых мобилизациях обязательно указывают на меры наказания для нарушителей (трудовых дезертиров).⁴⁸

Иногда объявлялись довольно экзотические мобилизации населения. Например, по распоряжению Главкомтруда от 20 сентября 1920 г. объявлялась мобилизация людей для сбора шишек, а 8 ноября наоборот освободили от мобилизаций "лапотников" (ремесленников, в основном крестьян, изготовлявших лапти по государственному заказу).⁴⁹

Мобилизации чаще всего проходили с большим трудом, и предложенные разрядки выполнялись далеко не полностью. Например, за 8 месяцев 1920 г. (май–декабрь) мобилизацию судостроительных рабочих провели только 6 губерний из 22, где она должна была пройти. Причем промышленная Тула дала 2 рабочих, Царицын (стоящий на воде и имеющий судостроение) – 1, Витебск – 6, Рязань – 27, Нижний Новгород – 35 и только Кострома выполнила план и послала 583 рабочих. Дополнительная мобилизация, проведенная по решению ГКТ в декабре 1920 и январе 1921 г. дала только 75 рабочих, хотя она проводилась в 12 губерниях. Треть губерний в этот период не послали ни одного человека, даже такие "водные", как Архангельская и Царицинская. "Слабость местных органов трудовой повинности приводила к тому, что лишь 40-60 % людей, подлежащих трудовой повинности, привлекается к ней", – отмечает Главкомтруд в начале 1921 г. А руководство Смоленской Губвоендезертир констатирует в начале декабря 1920 г.: "Ни одна мобилизация не могла пройти успешно".⁵⁰

Относительный успех или неуспех трудовых мобилизаций зависел также от того, кого и куда мобилизуют. Более или менее успешно проходили мобилизации железнодорожников и рабочих на заводы так называемой "ударной группы". На этих предприятиях (и на железных дорогах) было сравнительно неплохое продовольственное снабжение ("спецаёк"), что и привлекало рабочих. В частности, "на железные дороги и заводы ударных групп" за вторую половину декабря 1920 г. по 9 губерниям удалось мобилизовать 4127 рабочих, примерно поровну на железные дороги и на ударные заводы. Причём Москва дала почти половину мобилизованных – 2017 чел., значительно опережая такие промышленные губернии, как Владимирскую и Тульскую, Но из трёх уездов (Вяземский, Козловский и Орехово-Зуевский) лидирует почему-то Козловский уезд, где было мобилизовано в 11 раз больше рабочих, чем в Вяземском уезде. Это можно объяснить следующим образом: Козловский уезд был благополучным в продовольственном (хлебном) отношении, поэтому там было много рабочих, бежав-

ших из голодающих непродувающих губерний. В голодный Вяземский уезд Смоленской губернии никто не бежал.⁵¹

Так как трудовые мобилизации проводились силой, то отношение к мобилизованным было такое же, как к заключённым, Их охраняли и доставляли к месту работы этапами. И, тем не менее, случаи бегства мобилизованных были массовыми. Наркомат труда постоянно требует направлять мобилизованных под конвоем, для чего в июле 1920 г. была разработана специальная инструкция, в которой подчёркивалось, что мобилизованных этапируют военкоматы. Местным "Рабсилам" и "Комтрудам" директивой от 16 декабря 1920 г. категорически запрещалось самим отправлять мобилизованных и без охраны. Это должны были делать военкоматы.⁵²

Мобилизованные, по месту новой работы, естественно, поступали в распоряжение руководства предприятия. Однако это руководство не имело права отпускать мобилизованных, хотя такие случаи были не редкость. Отпускали и по болезни, и по неспособности выполнять ту или иную квалифицированную работу, и в связи с выполнением задания (программы). Но НКТ категорически не разрешает отпускать мобилизованных. Он неоднократно запрещает "отпускать занятых у них рабочих, служащих и технический персонал без разрешения Губрабсилы".⁵³ То есть, верховным хозяином мобилизованных были органы Комитета по проведению трудовой повинности (ГКТ). Создавалось парадоксальное положение – некоторые мобилизованные не нужны на предприятии, но их нельзя отпустить, но их нужно кормить. Жди, когда органы труд повинности заберут уже не нужного работника.

Естественно, мобилизованные рабочие (и не только) вовсе не были в восторге от того, что их куда-то принудительно, под конвоем отправят работать. Поэтому появились способы ухода от мобилизаций. Самым распространённым способом ухода от мобилизации являлась болезнь, мнимая или действительная. А в то время всеобщей голодовки и эпидемических болезней больных было действительно много. Например, по объявленной осенью 1920 г. мобилизации судостроительных рабочих за декабрь 1920 – январь 1921 г. в 12 губерниях приняли на учёт 296 чел. судостроителей. Но из них 131 – почти половина, оказалось больны, другие освобождены от мобилизации "по роду занятий". Таким образом, по всей стране с трудом набрали 75 чел., которых и направили (под конвоем) на места их будущей работы. Причём в Костромской губернии из 101 явившегося в местный Комтруд, 95 оказались больны. В результате губерния, где было на тот момент зарегистрировано больше всего судостроительных рабочих, послала всего 10 чел. Эта столько же, сколько и в Вологодской губернии, где явилось 25 чел., а больных было всего 8 чел.⁵⁴ Сомнительно, чтобы почти все костромские судостроители были больны. Здесь, скорее всего, есть элемент сознательного ухода от мобилизации с помощью мнимой болезни.

Органы НКТ знали о таком способе избежать мобилизации, как болезнь. Поэтому пытаются контролировать деятельность врачей, выдающих соответствующую

щие документы. Навести порядок с выдачей врачебных бюллетеней, требовал и Циркуляр ПСГ от 12 августа 1920 г.⁵⁵

Эффективность проводимых мероприятий по централизованному обеспечению рабочей силой и, в конечном счете, по обеспечению всеобщности труда, снижалась отсутствием опыта в этом деле, нечеткой, а часто просто плохой работой местных органов. На предприятиях, куда посылали мобилизованных, не хватало продовольствия, жилья, орудий труда и пр. На 11 Московском губернском съезде Советов (январь 1920 г.) "докладчики с мест по вопросу о трудовой повинности подчеркивали ряд фактов о том, что трудовая повинность на местах местными властями проводится крайне неумело, хаотично и нерационально. Местные власти, не имея точных и исчерпывающих инструкций по вопросу о проведении в жизнь трудовой повинности, делают массу промахов, неправильностей и т.д., чем вызывают недовольство и озлобление несознательного местного населения Советским правительством". Особенно большое недовольство вызывали местные мобилизации (накладывающиеся на общие), которые, по словам зав. Информотделом Главкомтруда Буцевича (июнь 1920 г.), "проводятся, по-видимому, нередко по первому, часто совершенно необоснованному... требованию тех или иных хозорганов, что вызывает бесцельную растрату живой силы ... не только Главкомтруд, но и Комтруд не имеют сколько-нибудь сносного аппарата, как осведомительного (информационного), так и организационно-контрольного на местах, а потому не получают своевременно сведений о ходе тех или иных объявленных ими же трудмобилизаций и трудповинностей всякого рода и, следовательно, большей (частью **лишены возможности фактического руководства на местах**".⁵⁶ "Недовольство несознательного местного населения Советским правительством" в тех условиях было вполне обоснованным, хотя автор документа зря называет это население "несознательным" – нет, оно вполне сознательно не желает быть пешками даже во имя всемирного блага и революции. Их понять можно.

В целом опыт тотального применения принудительного труда, опыт обеспечения всеобщности труда методами военного коммунизма способствовал решению некоторых частных хозяйственных проблем. Но практика реализации теоретических установок партии большевиков в вопросе об обеспечении всеобщности труда стала входить в противоречие с реальными интересами экономики. Становилось всё более очевидным, что принудительный труд, решая какие-то частные проблемы, приводит к катастрофическому падению производительности труда. Практически установка на принудительный труд была одной из причин глубокого экономического кризиса, приведшего к НЭПу. Но даже на исходе военного коммунизма, положительно оценивая "добровольное привлечение рабочей силы", Наркомат труда и вообще высшие государственные органы вовсе не допускают свободного найма рабочей силы или "свободы труда", НКТ летом 1921 г. гордостью констатирует: "Мы сумели организационно его [добровольное привлечение] целиком подчинить; это даёт нам гарантии, что в новых условиях, когда он должен будет проводиться количественно в несколько больших размерах, **мы сумеем его**

подчинить полностью".⁵⁷ В этой уверенности, что рабочую силу надо насильственно регулировать всегда, виден соответствующий взгляд на социализм и на методы его построения. А НЭП уже объявлен, но очень скоро, всего через несколько месяцев, придётся отказаться от тотального регулирования труда. Встанет другая и не менее сложная проблема – как удовлетворить в труде массу безработных, число которых растёт в геометрической прогрессии.

¹ См. Берхин И.Б. Экономическая политика государства в первые годы Советской власти, М.: Наука, 1970. С. 150; История социалистической экономики. Т. 1. Советская экономика в 1917–1920 гг. М., 1976.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 452.

³ См. там же. Т. 35. С. 207.

⁴ Там же, Т. 40. С. 315.

⁵ См. там же. Т. 36. С. 132, 353; Ларин Ю. Трудовая повинность и рабочий контроль. Пгд., 1918.

⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 132-133.

⁷ Там же. С. 204. Выделено в документе – А.И.

⁸ Там же. С. 429.

⁹ Там же. Т. 36. С. 213.

¹⁰ Там же. С. 75; КПСС в резолюциях, решениях съездов и пленумов ЦК. 8-е изд. С доп. и испр. Т. 1. М.: Политиздат, 1970. С. 51. Выделено мной – А.И.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 109.

¹² Там же. С. 199. Выделено мной – А.И.

¹³ Там же. С. 249.

¹⁴ Бюллетень трудового фронта. 1921. №17. С. 4-5.

¹⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 42. С. 16.

¹⁶ Бюллетень трудового фронта. 1921. №71. С. 12.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 287-288.

¹⁸ Декреты Советской власти. Т. I. С. 320.

¹⁹ Ленин В.И.. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 222; Систематический сборник узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства. М., 1919. С. 94.

²⁰ Декреты Советской власти. Т. III. С. 396.

²¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 358. У самого В.И. Ленина этот пресловутый 6-й пункт выделен наряду с тремя другими, которые он считал важными. Но публикаторы, в частности в специальной листовке, вероятно, побоялись сюжета о расстреле уклоняющихся от труда, в публикуемом тексте этот раздел не выделили. (См. там же, С. 356; Правда. 1918. 22 февраля; Известия ВЦИК, 22 февраля).

²² Известия Петроградского Совета. 1919. 6 августа.

²³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства (СУ), 1918. № 54. Ст. 604.

²⁴ См. там же. №87-88. Ст. 905.

²⁵ Струмилин С.Г. Избранные произведения. М., 1962. С. 327.

²⁶ См. Декреты Советской власти. Том III. С. 462; Том V. М., 1971. С. 149 и др.; Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5451, оп. 3, д. 79, л. 41.

²⁷ ГАРФ, ф. 382, оп. 6, д. 59, л. 9; Декреты Советской власти. Том IV. М., 1968. С. 487.

²⁸ Известия ВЦИК. 1919.13 ноября; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 307.СУ. №18. Ст. 101; №4-5. Ст. 28.

²⁹ СУ. №18. Ст. 101; №4-5. Ст. 28.

³⁰ Систематический сборник узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. № 1-90. М., 1919. С.... Ленинские декреты. 1917-1922, Библиография. М., 1974. С. 318 - ?

³¹ Там же. С. 328; Ленинский сборник. XXXIV. С. 300.

³² Декреты Советской власти. Т. III, С. 461; Т. V. С. 149; ГАРФ, ф. 5451, оп. 3, д. 79, л. 41.

³³ Известия Главного комитета по всеобщей трудовой повинности. 1920. № 7. С. 66.

³⁴ Аникст А. Организация рабочей силы в 1920 г. М.: НКТ, 1921, С. 15; ГАРФ, ф. 382, оп. 6. д. 59; (С.-Петербургский государственный архив литературы и искусства (С.-ПГАЛИ), ф. 3048, оп. 1, д. 1, л. 178.

³⁵ СУ. 1920. №8. Ст. 50.

³⁶ Там же. №19. Ст. 105.

-
- ³⁷ Бюллетень трудового фронта. 1921. №17. С. 5; СУ. 1920. №8. Ст. 52; №17. Ст. 98; Известия ВЦИК. 1920. 2 марта.
- ³⁸ СУ. №33. Ст. 158; Известия народного комиссариата по военным делам. 1920. 8 мая.
- ³⁹ Бюллетень трудового фронта. 1921. №.17, С. 6.
- ⁴⁰ Там же. С. 6.
- ⁴¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 361; Ленинские декреты по здравоохранению. М., 1970. С. 190; Бюллетень трудового фронта. 1921. №. 17. С. 6.
- ⁴² Бюллетень отдела статистики труда. 1921, №1. С. 1; Серп и молот (Свердловск). 1920. № 4-5, С. 159.
- ⁴³ Декреты советской власти, Т. X. С. 158-160; СУ. 1920. №79. Ст. 372.
- ⁴⁴ Бюллетень трудового фронта. 1921. №17. С. 6.
- ⁴⁵ Там же. С. 7.
- ⁴⁶ Там же. С. 11. Подсчёт мой – А.И.
- ⁴⁷ Там же. №2. С. 6.
- ⁴⁸ Там же. №3. С. 4-5, 10; Известия ВЦИК. 1920. 29 июня.
- ⁴⁹ Бюллетень трудового фронта. 1921. №1. С. 8-9.
- ⁵⁰ ГАРФ, ф. 5474, оп. 8, д. 624, л. 14, 30 об.; ф. 7274, оп. 1, д. 47, л. 3; Бюллетень трудового фронта. 1921. №2. С. 8.
- ⁵¹ Бюллетень трудового фронта. 1921. №2. С. 8.
- ⁵² Там же. №1. С. 4.
- ⁵³ См. там же. №1. С. 7.
- ⁵⁴ Там же. С. 8.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 65, д. 507, л. 9 и об., 22-23. (Выделено в источнике).
- ⁵⁷ Бюллетень трудового фронта. 1921. №17. С. 11. Выделено мной – А.И.